Батырбеков Ыйман Адилетович
студент
Рабаданов Абдулманап Султанмутович
студент
Научный руководитель
Бузникова Елена Николаевна
преподаватель
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский
технологический университет»
г. Москва

АНГЛИЦИЗМЫ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ: МОРФОЛОГО-ДЕРИВАЦИОННАЯ АДАПТАЦИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация: *нас занимает, каким путём слова, хлынувшие из английского в обиход следом за смартфонами, приложениями и перепиской в мессенджерах, получают права «натурализованных» единиц – сперва грамматические, затем словообразовательные. Прослеживается, на каких ярусах идёт их приспособление, и предлагается трёхступенчатая шкала, по которой такие слова удобно сопоставлять между собой. Примеры почерпнуты из постов, комментариев к роликам и сетевой публицистики, а для части лексем дополнительно учтены корпусные данные. Помимо наблюдения и описания, привлекался разбор по словообразовательному составу и по семантическим компонентам. Обнаружилось: пришлая основа почти без промедления наделяется родом, падежными формами, видом, а затем делается вершиной гнезда, все члены которого снабжены своими, исконными суффиксами и префиксами. Отсюда заключение: если от англицизма охотно образуют новые слова, это вернее всего прочего говорит о том, что он прижился. Намечены также способы, которыми этот материал можно задействовать на уроках русского языка и культуры речи в школе и вузе.*

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Ключевые слова: *англицизм, укоренение иноязычного слова, деривационная продуктивность, гнездо производных, видовая пара, сетевой жаргон, обучение русскому языку, культура речи.*

Полтора десятилетия назад обороты вроде «закинуть в сторис» или «словить кринж» были опознавательным знаком узкого молодёжного круга. Сегодня их без труда можно услышать от телеведущего, встретить на рекламном щите или в переписке родителей школьников. Сотни подобных единиц пришли из английского вслед за смартфонами, мессенджерами и стриминговыми площадками, причём разошлись они заметно быстрее, нежели англицизмы прежних волн. Эта скорость и делает их благодарным материалом: на глазах у одного поколения можно проследить, как язык «перемалывает» чужое слово и превращает его в своё.

Есть и повод, лежащий за пределами лингвистики. То и дело кто-нибудь публично сетует на «засилье» англицизмов, другие возражают, но спор обычно ведётся на уровне вкусов. Лингвист же может предложить иной взгляд – проверить, подчиняется ли новичок отечественной грамматике, рождает ли он производные, сдвигается ли его смысл. Ещё Л.П. Крысин объяснял всплеск заимствований на рубеже тысячелетий переменами в устройстве общества [6]; к этим причинам теперь прибавилось то, что значительная доля повседневного общения переместилась в сеть.

Нам хотелось понять, за счёт каких механизмов англоязычная лексика цифровой среды приноравливается к системе принимающего языка, и выработать признаки, позволяющие оценить глубину её укоренения. Путь к ответу лежал через подборку примеров, поярусный разбор того, как эти слова пишутся, звучат, изменяются и порождают новые, и итоговое обобщение.

Подборка включает порядка шестидесяти лексем. Их мы выписывали из постов и обсуждений под видеороликами, из сетевой публицистики; употребление части слов проверялось по корпусным данным [9]. Для каждого гнезда мы, кроме того, просто пересчитывали, сколько в нём членов.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Мы опирались на сложившуюся в отечественной науке традицию изучения пришлых слов. Уже словари терминов фиксируют, что «заимствованием» именуют двоякое – и сам переход единицы, и то, что в итоге перешло [1]. Привыкание чужого слова к новой среде принято мыслить как многоэтажный процесс, затрагивающий облик, звучание, формы и значение. По Н.М. Шанскому, одно из ключевых свидетельств освоенности – способность слова подчиняться грамматическим нормам и служить базой для новых образований [10]. Л.П. Крысин дополнил этот перечень регулярностью употребления и исчезновением ощущения «чужеродности» [6; 7]. У Е.В. Мариновой находим многоступенчатую систему параметров, где учтены, среди прочего, частотность и стилистическая закреплённость [8].

Наблюдения удобнее изложить поярусно.

Облик и звучание. Почти все слова подборки входят в речь через кириллическую передачу звучания: cringe оборачивается кринжем, vibe – вайбом, feed – фидом, mute – мьютом. Латиница держится разве что в первые месяцы бытования слова да в узкоспециальных контекстах вроде подписей к кнопкам интерфейса, тогда как в живой переписке пишущие явно тяготеют к кириллице. Звучание перекраивается по отечественным правилам: на конце звонкий оглушается (вайб произносится как [вайп]), безударные гласные редуцируются, долгота и дифтонги подменяются ближайшими своими звуками. Колебания задерживаются лишь там, где точного соответствия нет, – ср. фейк и фэйк, хейт и хэйт.

Существительные. Имена, оканчивающиеся на согласный, тут же начинают изменяться как слова мужского рода второго склонения: нет кринжа, доволен кринжем, листать фид, позвать тиммейтов. Многие пришельцы XIX-XX столетий так и остались несклоняемыми (жюри, такси, депо), а вот нынешние англицизмы данной группы в этом статусе практически не задерживаются. Морфологическая «прописка», иными словами, выдаётся им едва ли не в момент появления.

Глаголы. Английская форма глагола целиком не переходит никогда: берётся только основа, к которой прирастают отечественные суффиксы, чаще всего -и- и -а-, – шеймить (от shame), мьютить (mute), апрувить (approve), фолловить

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(follow), юзать (use). Обретя привычный облик, такие глаголы тут же встраиваются в видовую систему. Для совершенного вида достаточно приставки (замьютить, заапрувить, зафолловить) либо суффикса однократности -ну- (шеймануть, юзнуть). Пришлая основа, таким образом, живёт по тем же законам, что и исконная, и никаких особых грамматических исключений говорящему не требуется.

Словопроизводство. Этот ярус мы считаем самым показательным. Стоит слову закрепиться, как вокруг него складывается гнездо, причём строится оно по отечественным моделям. Сводка по ряду лексем дана в таблице 1.

Таблица 1

Производные от англоязычных основ сетевой лексики

Исходная единица	Прототип	Образования	Средства словопроизводства
кринж	cringe	кринжовый, кринжово, кринжатина, кринжануть	-ов-, -о, -атин(а), -ану-
вайб	vibe	вайбовый, вайбово, вайбик	-ов-, -о, -ик
фолловить	to follow	зафолловить, отфолловить, фолловерша	за-, от-, -ш(а)
мьютить	to mute	замьютить, размьютить, мьютнуть	за-, раз-, -ну-
шеймить	to shame	зашеймить, шеймануть	за-, -ану-
тиммейт	teammate	тиммейтка, тиммейтский	-к(а), -ск-
юзать	to use	поюзать, заюзать, юзнуть	по-, за-, -ну-
апрувить	to approve	заапрувить, апрувнуть	за-, -ну-
рофл	ROFL	рофлить, зарофлить, рофловый	-и-, за-, -ов-

Обращает на себя внимание, что ни одного иноязычного аффикса среди задействованных средств нет. Женские наименования лиц возникают с помощью -ш(а) и -к(а) – фолловерша, тиммейтка. Признак передают -ов- и -ск- (кринжовый, вайбовый, рофловый, тиммейтский), а от прилагательных без труда образуются наречия на -о: кринжово, вайбово. Ласку или пренебрежение вносят -ик и -атин(а): вайбик, кринжатина. Среди глагольных средств активны за-, по-, от-, раз-, а также -ну- и -ану-. Последняя модель особенно экспрессивна: в кринжануть, шеймануть однократность действия соединяется с нарочитой разговорностью, вполне созвучной интонации сетевых диалогов.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Любопытны пары с противоположной направленностью действия, где оппозицию создают одни лишь отечественные приставки: зафолловить – отфолловить, замьютить – размьютить. Префиксы воспроизводят здесь то же смысловое противопоставление, что и в парах застегнуть – расстегнуть, завязать – развязать. По-видимому, говорящие воспринимают пришлую основу вовсе не как вкрапление, а как полноценный корень, пригодный для любых привычных операций.

Ещё Е.А. Земская, описывая словопроизводство конца прошлого века, подчёркивала, с какой лёгкостью иноязычные основы сочетаются с исконными аффиксами, и усматривала в этом силу отечественной деривации [2]. Лексика цифровой эпохи это наблюдение подкрепляет: извне приходит лишь «сырьё» – корень, а модели, по которым из него строятся новые слова, остаются своими.

Смысл и стиль. Некоторые единицы меняют значение уже после переселения. Английское cringe поначалу обозначало телесную реакцию – невольное съёживание от неловкости или испуга; у нас же кринж служит прежде всего оценкой ситуации или поступка, за которые стыдно наблюдателю. Вайб, когда-то означавший атмосферу, настроение, приобрёл одобрительную окраску: вайбовым называют место уютное, располагающее. Юзать, наоборот, сузил круг употребления и стал ироничным: так говорят о вещах и программах, но не, скажем, о применении закона. Стилистически большинство лексем пока не покидает разговорной сферы, хотя отдельные (фолловер, апрувить в рабочей переписке айтишников) уже проникают в профессиональный обиход.

М.А. Кронгауз замечает, что сетевое общение поощряет игру со словом и экономию усилий, а значит, ускоряет распространение новинок [4; 5]. Нередко лексема, рождённая среди геймеров или программистов, спустя несколько лет звучит из уст людей, ни разу не запускавших компьютерную игру. Такое тиражирование хорошо объясняет понятие «языкового вкуса эпохи», введённое В.Г. Костомаровым: общество тянется к определённым речевым образцам и охотно их воспроизводит [3].

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Сказанное позволяет назвать пять примет прижившегося сетевого англицизма: устойчивое кириллическое написание; полная парадигма (род, число, падеж у имён, вид у глаголов); производные, созданные по отечественным моделям; самостоятельное смысловое развитие, уводящее слово от английского прототипа; выход за пределы той среды, где оно зародилось. С опорой на эти признаки разобранные лексемы распределяются по трём условным ступеням (таблица 2).

Таблица 2

Ступени укоренения англицизмов сетевой сферы

Ступень	Отличительные черты	Лексемы из подборки
Высокая	Написание устоялось, парадигма полная, гнездо развито, слово звучит и вне сети	юзать, фолловер, мьютить
Средняя	Производных много, но слово ярко окрашено как жаргонное и молодёжное	кринж, вайб, рофл
Начальная	Написание колеблется, производные единичны, сфера узкопрофессиональна	апрув, фид

Образовательный потенциал материала. Описанные явления, на наш взгляд, интересны не только лингвистам, но и тем, кто преподаёт русский язык в школе и вузе. Сетевая лексика – та часть словаря, которой учащиеся владеют увереннее педагога, и потому она может стать отправной точкой для разговора о системных закономерностях языка. Словообразование нередко воспринимается школьниками как формальная процедура: выделить корень, отыскать суффикс, начертить схему. Если же взять в качестве материала слова из переписки самих учеников – кринжануть, зафолловить, вайбовый, – морфемный и словообразовательный разбор перестаёт быть отвлечённым упражнением.

Можно наметить несколько видов работы. Первый – построение гнёзд: учащимся предлагается собрать как можно больше слов от одной заимствованной основы, разнести их по частям речи и определить, каким аффиксом образовано каждое; в итоге они сами приходят к выводу, что «чужой» корень обслуживают исключительно «свои» суффиксы и приставки. Второй – сопоставление пар вроде замьютить – размьютить с исконными застегнуть – расстегнуть, позволяющее на знакомом материале обсудить значения приставок. Третий – наблюдение

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

за видовыми парами (мьютить – замьютить, юзать – юзнуть), помогающее повторить категорию вида без механического заучивания. Четвёртый – задания на стилистическую оценку: один и тот же смысл нужно передать в дружеском сообщении, в школьном сочинении и в официальном письме, а затем обсудить, почему кринж уместен в первом случае и режет слух в остальных.

Последний вид работы особенно ценен с точки зрения речевой культуры. Прямой запрет на сетевые слова, как правило, мало что даёт: ученики продолжают ими пользоваться, но перестают задумываться об уместности. Гораздо полезнее выработать у них привычку соотносить выбор слова с ситуацией и собеседником. Тогда англицизм из повода для замечания превращается в материал для рассуждения о том, как устроен язык и как сдвигается норма. Для студентов-филологов и будущих учителей подобная лексика может послужить основой небольших самостоятельных исследований – например, по сбору и классификации новых заимствований в какой-либо сетевой среде.

Что же показал разбор? Прежде всего, лексика цифровой среды английского происхождения приноравливается к отечественной грамматике чрезвычайно быстро – оформление происходит почти одновременно с появлением слова. Далее, главную роль в укоренении играет словопроизводство: именно способность пришлой основы давать производные по исконным моделям ярче всего говорит о том, что она стала частью системы. Наконец, наплыв англицизмов не расшатывает грамматический строй, а, напротив, обнаруживает его прочность и умение подчинять чужой материал собственным закономерностям. Кроме того, такие слова оказываются живым и близким учащимся материалом для изучения словообразования, грамматических категорий и культуры речи.

Это не снимает вопроса о культуре речи: кринж в дружеском чате и кринж в докладе на конференции – явления разного порядка, и судить об уместности приходится всякий раз заново, с оглядкой на собеседника и жанр. Дальше хотелось бы расширить подборку, опросить людей разных поколений и несколько лет последить за тем, какие из разобранных слов уйдут, а какие останутся.

Список литературы

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

2. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 90–141.

3. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – Москва : Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.

4. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – Москва : Знак: Языки славянских культур, 2007. – 232 с.

5. Кронгауз, М. А. Самоучитель Олбанского / М. А. Кронгауз. – Москва : АСТ: CORPUS, 2013. – 416 с.

6. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 142–161.

7. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – Москва : Русский язык, 1998. – 848 с.

8. Маринова, Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования / Е. В. Маринова. – Москва : ЭЛПИС, 2008. – 495 с.

9. Национальный корпус русского языка. – URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 25.10.2026). – Текст : электронный.

10. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 3-е изд., перераб. – Москва : ЛКИ, 2007. – 304 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)